

ТИНКАЙ КРЕТОВА

ҚАЗАХСТАНЕЦ

12+

Тинкай Тынық-ай
Казахстанец

«Автор»

2019

Тынық-ай Т.

Казахстанец / Т. Тынық-ай — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-10063-3

Судьба страны складывается из судеб всех её граждан — очень влиятельных и совсем незаметных, готовых трудиться во имя будущего и живущих только одним днём, имеющих крепкую деловую хватку или обладающих удивительными творческими способностями. Автор ведёт повествование, сплетая его из фрагментов разных жизней, которые сплетаются в цельную картину. Повесть «Казахстанец» стала лауреатом Республиканского творческого конкурса «Ұлы дала».

ISBN 978-5-532-10063-3

© Тынық-ай Т., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тинкай Тынық-ай Қазақстанец

Қанда-нибұдь уақыт, в қатарымыз жибем, алуыт в историй специальное название. Наверняка его будут сравнивать с Великой депрессией по драматичности, а по напряжённости и неопределённости – с глобальными государственными перестройками прошлого века. Сейчас волны экономического кризиса, неотвратно прокатывающиеся по планете, именуются лишь номерами годов, в которые они произошли, – в сущности, почти каждого года, начиная с две тысячи седьмого. Но одним лишь крушением теряющей контроль финансовой системы не описать да и не оправдать ту смуту, которая творится сегодня в человеческих душах.

Моё поколение воспитано людьми, заставшими строгое детство в отголосках сталинизма. Вместо волшебных сказок они слушали идеологические истории и боялись не темноты, а безжалостного «воронка». Лишь в ранней юности испытал предощущение свободы, приоткрывавшейся в годы хрущёвской оттепели, они вскоре окунулись в период застоя, закалившись в изматывающих условиях товарного дефицита, а затем бесстрашно рухнули в развал перестройки.

Трудности, связанные с приспособлением к новым условиям жизни: работники интеллектуального труда сталкивались с необходимостью осваивать прикладные профессии, а работники труда физического зачастую были вынуждены переквалифицироваться, – не мешали им строить семьи и заводить детей.

В свою очередь, их родители, то есть наши деды, рождённые ещё при царской власти, так же когда-то испытали бурю революции и переворот государственного строя. Они же, кроме прочего, пережили и страшную, выкосившую миллионы жизней Вторую мировую войну. Росшие на рассказах о ней и имеющие перед собой пример отцов и матерей, сумевших отстоять свои дома и души, наши родители тоже всегда смело смотрели в будущее, даже в самые унылые времена не теряя в сердцах тепло надежды.

А ведь они по сей день продолжают блистать силой духа. Как универсальные солдаты, упорствуют в овладении современными технологиями и заново познают непрестанно преобразующийся мир. Никто не сможет с точностью сказать, как отзываются в них сегодняшние перемены: обрушивающиеся моральные устои, искалеченная нравственность и попранные рамки здоровых социальных норм. Мне часто кажется, что родители гораздо терпимее меня воспринимают и новые возмутительные веяния, и предсмертную агонию культуры, с философской печалью взирая на сгущающуюся бесчеловечность человечества...

Глава 1

Поезд дёргался и стучал. Наслаждаться классическим размеренным стуком было невозможно: то и дело железный лязг, рывок, заставляющий напрягать корпус и упираться ногами в пол, чтобы не слететь с нижней полки. Стоял жаркий август, и иссохшая равнина за окном, равнина, не способная породить сколько-нибудь значимых неровностей, плоским упрёком взирала на беснующиеся на гладких рельсах вагоны.

Пассажирский «Алматы – Нукус», как всегда, был переполнен. Тюки, ящики, какие-то ковры и матрасы, клеёнчатые сумки – всё распихано и утрамбовано под столами, над полками, в коридорах. Повсюду люди. Одни теснятся в проходе, другие лежат, свернувшись в позе эмбриона на своих вещах в тамбурах, третьи стыдливо присаживаются на откидные сиденья у окон. Купе проводника набито плотно: все плоскости заняты баулами и коробками, сверху вповалку – мужчины, дети. На полу женщина неопрятного вида, уложив на вытянутые ноги подушку, укачивает на ней новорожденного младенца. Ребёнок постарше, только встающий на ноги, без штанов, но в майке, крутится рядом, обсасывая угол посеревшей наволочки. Душно, тесно, неприятно.

«А что поделать? – разводит руками проводник. – Жалко людей. Денег на полноценный билет у них нет, а попасть домой надо. Ехать готовы на полу, вот... пускаем...»

Томящиеся в жаре потные пассажиры, жаждущие поймать мимолётный ветерок, вполголоса ругают проводников и безбилетников, поджимая ноги между чужими мешками и свёртками. Иногда из открытых дверей купе раздаётся нервное:

– Мужчина! Едете без билета, так отойдите от окна, нам дышать нечем, воздух перекрываете! Мужчина! Да что он, не слышит, что ли?! Отойди, говорю!

У окна в углу шестого купе в вагоне где-то в середине состава, сжимая в руке потёртый сенсорный телефон, сидел пожилой мужчина. Весь он был каким-то тонким, щуплым. На узких плечах – поношенный серенький пиджачок, старые брюки затянуты ремнём, в котором пришлось протыкать дополнительные дырочки. Летние туфли опрятные и чистые. Под ногами зажат потертый коричневый дипломат.

Напротив – девушка, уткнувшаяся в телефон, в полной изоляции от внешнего хаоса: с маской безразличия, в наушниках, с жвачкой во рту и фирменным кофейным стаканом в руках.

На верхних полках два тела, беззвучно и неподвижно спящих уже с Алматы.

Столик у окна, как и все столики во всех поездах, заставлен: бутылка воды, недопитый лимонад, пакет с печеньем, кульки с едой, около девушки – красная портативная колонка, вейп, чехол от наушников, зарядник для телефона.

Запиликал мобильный. Мужчина резко дёрнулся, вытянул подальше руку, рассматривая имя, поднёс трубку обратной стороной к уху и заулыбался.

– Алё! Приветствую, Илья Захарович! Да, да, здоров, еду! Құдай бұйыртыса, буду завтра в половине восьмого. Нет, не надо встречать, не надо, я на автобусе доеду. Я налегке. Зайду с утра... Они ведь, знаете, что делают, – он нахмурился и невольно повысил голос: – Основание стены чабаны на сараи растащили! Всюду бутылки, стекло, коровьи лепёшки. Тот участок, который был раскопан, приняли, наверное, за свалку, там какой-то сторованный мусор, шины! Я чабану говорю: «Ты что творишь, это твоих же предков город был!» А он глаза на меня тарашит, ухмыляется. Илюша, нам надо что-то сделать, нужно писать в Министерство, подписи собрать, это же вандализм!

Он эмоционально махнул рукой, сбил бутылку, та задела колонку, чехол от наушников полетел на пол. Девушка осталась неподвижна.

– Я сфотографировал на телефон, надо будет приложить... Что? Что?! Не слышу! Алё! – он недовольно посмотрел на замолкший телефон, с досадой вздохнул. Сеть пропала.

Девушка, не отрывая глаз от экрана, нащупала колонку, подключила к ней шнур от зарядника и поднесла стакан к губам.

– О-о-о! Кого я вижу! Вот это встреча! Рамиль Забирович, тот самый, собственной персоной! – захрохотал голос, и в купе потемнело.

На пороге появился крупный рыжеватый мужчина. Запахло водкой, луком и ещё чем-то неприятным.

– А-а, здравствуйте, – мужчина у окна скованно привстал и слабо улыбнулся, пожав протянутую руку.

– Куда собрались? В Манкент? Подлечиться? Или в Узбекистан? Читал, читал твою последнюю статью, во многом согласен, – не дожидаясь ответа, резко сменил тон гость и тяжело опустился на полку, ухватив собеседника за локоть. – Только не пойму, чего ты осторожничаешь?

Тщедушный Рамиль Забирович собрался что-то ответить, но не успел.

– Вот ты пишешь: «Тюрки сыграли ощутимую роль в формировании государств Евразии». А почему не говоришь, что мы стояли во главе всех великих народов?

Было ясно, что пришедший привычно занимает изрытую колею любимой темы, рад новому слушателю, владеющему вопросом, да и в целом – находится как раз в том состоянии алкогольного опьянения, которое наилучшим образом способствует обнаружению в себе философских струн и тяги к ораторству.

– Я проводил исследования! Римская империя – наша заслуга. Потом: русские цари, европейские правители, завоеватели, учёные – все, кто хоть чего-то достиг, были тюрками! Америку мы открыли! Наши племена даже в Индию откочевали, где лошадей не было, так объездили там слонов, представляешь?! Вот какое дело! А это всё замалчивают, скрывают, не пишут! А почему? Потому что им, – гость сделал паузу и негодуя ткнул пальцем вверх, туда, где на вздрагивающем потолке купе сидела муха, – не выгодно! Если люди узнают, то вся эта их рыночная экономика полетит к чертям!

Рамиль Забирович сконфузился.

– Ну, я бы не стал так обобщать...

– Ерунда! Мы изобрели государственность, деньги, языки! Да, по сути, вообще ничего и никого бы в мире не было, если бы не мы! Тут нечего стесняться! Надо гордиться. Вот я специально съездил в Америку, сделал анализ ДНК. Там общался со многими учёными, и они молодцы, с большим уважением ко мне отнеслись. Приглашают к ним переехать, потому что знаешь, что выяснилось? Я прямой потомок Истемии-кагана, там такая богатая генеалогия: каганы, ханы, правители! Теперь, получается, я, как наследник, по праву могу претендовать на то, чтобы представлять весь тюркский мир. Мы, конечно, люди скромные, но положение требует. Когда твои предки с такими именами, уже нельзя просто отсиживаться за статьями и бумажками.

Гость приосанился. Было видно, что он старается выглядеть невозмутимым, но это получается с трудом из-за распирающей его гордости.

– Теперь мне племянник в Интернете открывает сайт, я регистрирую объединение, чтобы вокруг себя сплотить всех тюрков! Сейчас описываю свою генеалогию – уже триста страниц! Готовлю письмо президентам всех тюркоязычных стран, чтобы все осознали наше величие! Буду добиваться признания права казахов – потомков великих каганов на места в парламентах всех государств. Чтобы везде был закон, что в качестве управленцев, президентов можем выступать только мы. Не всех подряд казахов, конечно, а именно наследников рода Ашина, как положено, как это было! Как это правильно! Мы по воле Всевышнего лучшие управленцы, с нашим менеджментом любая страна будет на подъёме!

– Почему же тогда у нас всё так плохо? – раздался внезапно голос тела с верхней полки. Наверху заворочались, и над столом свесилось помятое обветренное лицо.

– Да потому что посмотрите, что сейчас происходит! – ничуть не смутясь и даже сильнее залоснившись, ответил потомок Истеми-кагана. – Степью всегда правили...

Раздались страшный лязг и гудение – мимо по встречным рельсам понёсся товарняк. Гость что-то отрывисто выкрикивал о жузах, родах, воровстве и праве наследования власти. Пассажир с верхней полки пружинисто спрыгнул на пол, доставая зубами сигарету из пачки. Не прекращая рассуждений, борец за права казахского народа поднялся, и вместе с помятым они вышли в тамбур.

Рамиль Забирович проводил их измученным взглядом. Оплывшее, покрасневшее грубое лицо гостя, пропускающего бабок с гроздьями пёстрых халатов на морщинистых руках, ещё несколько мгновений мелькало за дверью.

«Зачем я вообще этим занимаюсь?... Бьюсь, бьюсь за памятники, пытаюсь сохранить историю для народа, чтобы у него самоуважение было... А потом вот такие потомки великих каганов появляются, и...» – он поморщился, неприятно потревоженный собственной мыслью.

Вернулся гость и протянул Рамилю Забировичу стопку визиток, отпечатанных на толстом золотом картоне.

– На, раздашь, кто будет интересоваться. Хватит нам прятаться по углам, пора уже кому-то действовать! Ержанова увидишь? Вот ему несколько штук дай.

Купе наполнилось химическим запахом вишни и ванили – девушка, не меняя отсутствующего выражения лица, выпустила в нависающую над ней опустевшую верхнюю полку густой поток дыма из вейпа.

Тонкий Рамиль Забирович посмотрел на визитку: «Наследник рода Ашина в XXI веке, потомок великих каганов и посол тюрков мира Улыжан Серикхан Абдибайулы».

– Ты фамилию сменил что ли? Помню, в университете был Сериком Кулжановым.

Глаза с пожелтевшими белками забегали и остановились на валяющемся на полу чехле от наушников.

– Да открыл старые документы. Это, оказывается, в паспорте у деда, ещё в советское время, ошибку сделали. Правильно – Улыжан... Ну всё, я пойду. Вы прилечь, наверное, хотите.

Рамиль Забирович хмыкнул. «С вами ляжешь... – подумал, – на правый бок да головой на восток ».

Поезд замедлил ход – приближались к станции Отар. Широкая долина между Чу-Илийскими и Анрахайскими горами тепло освещалась смягчающимся к вечеру солнцем. Краснолицый ещё немного помялся у порога, затем наскоро попрощался и неловко нырнул в тесный поток коридора. Пейзаж за окном сильно качнулся и замер.

Телефон завибрировал: пришло сообщение. Рамиль Забирович немного помучался с кнопками, прочёл: «Уважаемые граждане Казахстана! В рамках реализации государственной программы “Qazaqstandyq” Центр анализа и прогнозирования проводит опрос с целью выявления наиболее важных аспектов развития казахстанского общества. Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов по ссылке. Напомним, программа “Qazaqstandyq” создана для формирования общих целей, укрепления идентичности и идеологической целостности народа Казахстана. Спасибо за уделённое время!»

«Да ну вас!...» – какое-то время Рамиль Забирович смотрел остановившимся взглядом сквозь мельтешение в проходе. Когда поезд тронулся снова, он поправил аккуратно заправленную в хрустящую наволочку подушку, прилёг.

Под сбитый ритм постукивающих колёс ему вспомнились родная ферма, кони, запах влажной по утрам травы. Парадокс: уже существующую в его родном посёлке гармонию пришлось оставить ради научной работы, призванной доказать, что умение кочевых предков жить в такой гармонии с природой – это и есть ключевое зерно того, что теперь принято называть

«культурным кодом». Он вздохнул и улыбнулся – конечно, за хозяйством присмотрят племянники, но как же самому хочется сейчас обуть большие рабочие сапоги, пойти в конюшню, потаскать корм, почистить, если дастся, Дауылу копыта. Рамиль Забирович вспомнил, как приезжал на верном вороном в загаре коне к низовьям реки, где у старых невысоких скал чабан пасёт отару. «Вот бы сейчас!..» – со сладкой тоской подумал он и повернулся на бок.

«Вот бы сейчас!» – заглушая шум поезда, в наушниках Ланы играл любимый трек. Он всколыхнул воспоминания о Бали: бесконечные пляжи, уроки сёрфинга и йога по утрам, дискотеки под звёздным небом, тёплый океан и ощущение гармонии. Захотелось плакать. Ближайший месяц ей придётся провести под Шымкентом в гостях у сестры, и перспективы эти казались самыми безрадостными из всех возможных. Сестра, бывшая всего на пару лет старше, получила хорошее международное образование, ей пророчили блестящую карьеру, а она вышла замуж за южанина и переехала в провинциальный городок – растить троих детей и помогать мужу-предпринимателю. «Идиотка, – подумала Лана. – Могла такой жизнью жить! Вместо этого носится со своими детьми, сопли-поделки-уроки... И мне теперь с ними торчать».

Лана вспомнила своих подруг. У многих из них уже было по ребёнку, но это не мешало им танцевать ночи напролёт или летать на популярные курорты. Мужей почти ни у кого не было, детей отдавали бабушкам, дедушкам, а кто лучше зарабатывал – няням.

В наушниках мягко звякнуло. Пришёл опрос: «Уважаемые граждане Казахстана!.. Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов по ссылке... Спасибо за уделённое время!»

«Всё равно нечего делать», – подумала Лана, открывая страницу.

«1. Назовите Ваши приоритетные ценности:

- а) семья и дом;
- б) личное развитие;
- в) общественное развитие;
- г) другое (указать)».

«Личное развитие», – ответила Лана. Потом подумала, убрала галочку и в пункте «другое» указала: «Свобода».

«2. Что, по-вашему, в первую очередь объединяет граждан Казахстана?

- а) общая история;
- б) общие духовно-нравственные ориентиры и менталитет;
- в) территория проживания и гражданство;
- г) другое (указать)».

«Бред. Ну, пусть территория».

«3. Отметьте наиболее острые социальные болезни казахстанского общества:

- а) расовая и религиозная нетерпимость;
- б) взяточничество и мошенничество;
- в) инертность и безынициативность;
- г) другое (указать)».

Отметила все, в последнем пункте дописала «нецивилизованность».

«4. Пожалуйста, сформулируйте в нескольких предложениях, что лично для Вас значит быть казахстанцем».

Вместо ответа Лана поставила в поле точку и отправила анкету. Уже скучно.

За окном, игрушечные в лунном свете, проплывали пейзажи Южного Казахстана. Железная дорога шла вдоль предгорий. Слева – тёмные истуканы скал, справа внизу – долина с серебряной лентой реки и редкими огоньками в чабанских домах. Лана открыла галерею: фотографии из весенней поездки мучили и радовали одновременно.

«Может, это и неправильно, может, надо быть ответственным и посвящать себя семье или обществу, как наши родители... Нет, сейчас другое время. Вокруг столько возможностей! Не пожалеть о том, что всю молодость просидел на месте и так ничего в жизни не увидел, – вот что главное!»

Глава 2

Главное – чувствовать.

Во мне живут две необъятные силы: счастье размером с Вселенную и боль глубиной с преисподнюю. Эти чувства не исключают и даже подстёгивают друг друга, разделяя между собой мою растерянную душу.

Боль появилась раньше, ещё в детстве, когда моему отравленному родительской библиотеккой фантастики сознанию наяву и во сне неотступно являлась череда невиданных миров. Те миры ощутимы были очень ясно, но видимы мутно, будто сквозь пожелтевший и потрескавшийся от времени бездушный толстый пластик.

Жизнь шла своим упрямым школьно-дворовым чередом, а передо мной, бесцеремонно тесня и притупляя насущную реальность, то и дело вставали до ужаса настоящие, наполненные запахами и звуками картины: космические полёты и магические планеты, эхо великих битв и предчувствие захватывающих приключений, мифические существа, гигантские кошки, птицы с человеческими лицами, но главное – люди. Решительные, яркие, смелые, красивые – они были иной породы, чем те, кто окружал меня (эти казались мне инфантильными и вечно уставшими). Реальность, которая находилась «по здешнюю» сторону завесы, была для меня унылой и по большей части безрадостной, хотя, справедливости ради, скажу, что детство моё не было отмечено ни одним достойным упоминания горем.

Метания эти и поиски иных миров знакомы любой мало-мальски чувствительной натуре. Но, подчиняясь неизбежному закону взросления, у психически здорового человека эти терзания отступают со временем, оставаясь разве что смешным с грустинкой воспоминанием.

У меня же эти чувства с возрастом не прошли, а наоборот – обострились. Они преобразовались: осознания параллельного существования разных миров стало мало. Моя жизнь превратилась в охоту за чудом.

Самым манящим и многообещающим источником чудес для меня оказались путешествия. Конечно, одной-двух поездок в год было невыносимо мало. Совершенно необходимым стало превратить всю свою жизнь в дорогу. Вначале это казалось невозможным. Попытки иметь «нормальную» работу и общепринятый социальный статус и при этом путешествовать сталкивались с моей откровенной неспособностью всё это совмещать. Исступление, рождённое этими противоречиями, доходило до крайности.

По ночам, когда сердце, мучимое разрывающим зовом воли, начинало стучать особенно глухо, приходилось выбегать на балкон. Боль сжигала диафрагму и сводила мышцы груди. При взгляде в грязное марево городского неба, разбухшего от безжизненного света оранжевых фонарей, у меня не получалось больше её сдерживать. Разъедающая лава боли, бурля и нарастая, не находя во мне достаточно места, будто вырывалась наконец из солнечного сплетения и отравленной волной стекала вниз, к улице. Почти всегда в ответ на это через дорогу начинала истошно выть чья-то собака, видимо, неосознанно ощущая страдания моей надорванной городом души. Вой подхватывали бродячие псы, и мне нравилось представлять, что это сочувствует мне какая-то родная волчья стая, издалека, из тех краёв, в которые безутешно рвётся моё сердце.

Другой силе – до слёз пронзительному счастью, чтобы появиться, понадобилось чуть больше времени. Оно стало рождаться позже, когда обнаружилось, что в нашем мире и людях, населяющих его, чудес гораздо больше, чем во всех на свете фантастических книгах.

Реальность устроена хитро – она предоставляет тысячи проявляющихся и потенциальных чудес каждую секунду, но ни одно из них не выходит за рамки логики, и каждое, при необходимости, может быть объяснено рационально. А перестаёт ли Чудо быть собой, если ему нахо-

дится объективное подтверждение? Не думаю. Понимать механизм действия чего угодно, хоть человеческого организма, не значит отрицать волшебство самого факта существования жизни.

Теперь-то я знаю – возможность удивительных событий прописана в самом коде мироздания. В этом, на мой взгляд, и заключается наивысшая любовь Творца.

Это произошло как-то вдруг. Всё так же жарко грело солнце, хотя уже и без бывшего азарта. Листва на утомлённых деревьях упрямо цеплялась за свой зелёный окрас, а первые признаки увядания жизни, золотой сединой пробивающиеся на ветвях, ещё казались невинной игрой по-летнему солнечных бликов. Только каким-то далёким вдруг стало небо, будто за одну ночь провалившееся в холодную белёсую глубину. И прежде всего изменился воздух. В нём предательски пахло осенью.

Мне всегда было трудно расставаться с летом – как будто прощаешься навек с лучшим другом. Но вслед за этой пылающей болью, когда вместе с последним августовским днём с души словно срывает шкуру, наступает новое тревожно-торжественное чувство, а точнее – предчувствие. Пространство, которое раньше было наполнено лишь редким ветерком и щебетанием мелких птах, вдруг становится неуловимо другим. Наполняется смыслом. И кажется, что всюду в нём проявляются невидимые двери в иные миры. В эти миры и зазывал меня давно и безраздельно властвующий надо мною зов.

Сайрамское ущелье – место необыкновенное. В первый раз мне довелось оказаться здесь случайно, но знакомство с местными альпинистами полностью изменило мою жизнь. Восхождения – это не спорт и не развлечение. Можно сказать, что это особый ритуал, священнодействие. Преодолевая сопротивление тела и психологические барьеры, ты движешься вверх, навстречу небу. И с каждым новым шагом, с каждой каплей пота и очередной полупрозрачной мыслью о том, чтобы отступить, твой разум и душа всё больше очищаются и освобождаются от тобою же надуманных оков.

Я очень люблю эти места и здешние вершины: рыжий Сары-Айгыр с кирпичным гребнем башен-скал, издалека приметный двуглавый Альтус с его ложной вершиной, высокий Пионер, покрытый россыпями полудрагоценных камней, коренастый Гном с захватывающим видом на Туркестанский ледник, длинноспинную Коптау, облюбованную дикими тау-теке, и, конечно же, высшую точку Южного Казахстана – пик Сайрам, подъём к которому по красоте превосходит любую многодневную экскурсионную поездку.

И вот очередные осенние сборы. Мы уже на подъёме. В базовом лагере хорошая рабочая суэта. Звон железок: кто-то возвращается со скальной тренировки, другие разбирают снаряжение либо пакует и накидывают на плечи рюкзаки – несколько человек уже выходят на Нижнее озеро. Глухой стук – это приехавшие последними участники ставят палатку, вбивают колышки, и стук трескучий – рубят дрова. Едва приглушённые тентом столовой голоса – спортсмены изучают описания маршрутов. Серьёзные разговоры и залихватский смех.

А здесь, на пути к Долине Предков, на крутом склоне горы, которую называют Динозавром из-за схожести очертаний, остаётся только две пары звуков: собственное дыхание и хруст перекачивающихся под ногами мелких камешков во время движения, и щебетание птиц, врывающееся в паузы между ударами сердца в ушах, во время кратких остановок.

Хочется передохнуть подольше – это акклиматизационный подъём, и тело пока упорно отказывается входить в ритм. Ноют все старые травмы и болят слабые места. Показывать бессилие нельзя: передо мной шагает восьмилетний Тёмка, единственный ребёнок в команде. Это так вдохновляюще и необыкновенно, когда вместо всего многообразия современных детских развлечений обычный городской пацан с радостью выбирает поездку с отцом в горы, туда, где нужно быть дисциплинированным, послушным и проводить время в компании взрослых людей.

– Такое разве увидишь по телевизору?

Тропа наконец стала пологой, открылся потрясающий вид на цепь вершин Угамского хребта. Зазвучали разговоры – дыхания снова стало хватать на то, чтобы идти и говорить. Мне в такие моменты всё равно больше нравится слушать. Наблюдать за тем, как природа пробуждает в умах некий импульс: он мгновенно проносится по сознанию, касается души, набирает форму и превращается в мысль. Мысль спешит родиться во фразе, а разговоры запускают обмен этой созданной природой и обогащённой разумом энергией.

– Вот красота! – где-то позади. – Нет, я всё-таки уже не спортсмен, устал... Далеко там ещё?

– Как всегда – почти пришли! – энергичный голос и смешок инструктора. – Ты не спрашивай, вон видишь, Артём идёт, не жалуется, а у него шаги маленькие, ему тяжелее всех. Ещё рюкзак тащит.

– Так то Артём! Мой дед, когда маленьким был, в школу в соседнее село ходил. Сам, один, пешком! А это восемь километров в одну сторону.

– Да, мой дед тоже в футбол играть с друзьями бегал больше чем за двадцать километров – из Алматы в Каскелен. Утром возьмёт ломоть хлеба – и вперёд, возвращается уже затемно. Это тогда люди крепкие были...

Мы миновали последнюю возвышенность. Впереди – Долина Предков. Мне уже доводилось бывать тут раньше. Горная равнина с цепью древних курганов, окружённая исписанными петроглифами скалами, у подножья пика Ассамблеи и моей любимой горы Иглы. Высота тут примерно три тысячи метров. Когда спускается туман, кислорода становится совсем мало, и в костре, сложенном из влажных веток, огонь горит плохо, а вот в груди в такие часы на подъёмах жжётся горячее пламя.

– Вон курганы! – инструктор протянул трекинговую палочку.

Послеобеденное солнце освещало мирную долину, мягкие контуры холмов и острые клыки скал. Вдали, за курганами, где до позднего лета скатывается к речке талый водопад, склоны уже тронула сырая тень.

Когда-то в эти ущелья в сакральном поиске восходили целые племена моих предков. Они выбивали на скалах изображения зверей, отправляли ритуалы и предавали своих вождей земле. Окидываю внутренним взором те времена, и по телу пробегают мурашки.

У меня совсем не горная, степная душа. Мне нужны нескончаемые просторы, над которыми подрагивает хмельной воздух, и небо, которое не охватить взором, даже запрокинув голову, лёжа на спине. Но здесь, в этом сильном месте, да и вообще в окрестностях Сайрама, есть нечто особенное, что невозможно передать словами или образами. Притаившееся, зовущее, привязывающее к себе с первого знакомства.

В городе иногда возникает обманчивое убеждение, что комфорт создаётся удобствами. И только там, где не остаётся ничего лишнего между тобой и Вечным Небом, по-настоящему ощущаешь, что комфорт – это состояние души, находящейся в гармонии с природой.

– Говорят, вершины аккумулируют энергию Земли. Может, поэтому горы – такой наркотик?

– Не знаю насчёт энергии, но запасы пресной воды они собирают, вон, видите, ледники? Правда, когда я приезжал сюда в первый раз, их было гораздо больше... Некоторые, по-моему, вообще исчезли.

Взгляды заскользили по рельефным контурам хребта.

Большая часть команды – байконурцы. Ребята, живущие на самой что ни на есть равнине, оказались горячими приверженцами горных восхождений. Их городской турклуб «Бархан» существует уже почти шестьдесят лет. Захватывающая работа на космодроме, да и вообще жизнь в легендарном для всего мира городе не отменяет активные интересы, и на каждые альпинистские сборы обязательно приезжает делегация из Байконура.

На тропинке впереди показались силуэты с высокими рюкзаками. Нам навстречу спускались двое парней и девушка. Послышались мелодичные голоса – ребята пели балладу. Мы остановились, чтобы пропустить восходителей. Несколько секунд на приветствия – и путь продолжился, а позади, отдаляясь, возобновилось пение:

Озеро – серебряная колыбель...
Вода – это Небо, обрётшее тело.
Волна атакует мель,
Как будто сбежать от себя захотела...

– Сбежать от себя! – инструктор хмыкнул. – Тут наоборот: в горы бежишь, чтобы наконец с собой настоящим встретиться.

Все молча согласились.

«Счастлив не тот, кто убегает от себя, а тот, кто идёт себе навстречу». Настя нажала «Поделиться», и в «Инстаграме» появилась очередная пляжная фотография. Белый песок, свисают листья пальмы, рука с бокалом оранжевого сока с ломтиком манго.

– Держи, – Настя вернула сок подруге и снова взяла пиво.

Теперь все на работе увидят, как она умеет красиво отдыхать. Здоровый образ жизни: вчера она фотографировалась на доске, а вечером выложила снимок фруктового салата. Спорт: увидела по дороге на пляж, как группа занимается йогой, сфотографировалась с инструктором в «позе дерева». Образ полноценного отдыха на зависть всем создан. Теперь можно на самом деле отдыхать.

– «Шри-Ланка: остров контрастов», – подруга опустила пониже широкополую шляпу, глядя в телефон. – «Провести весь отпуск, нежась на её пляжах, просто непозволительно! Райское побережье, затерявшиеся в джунглях деревушки, древние храмы, живописные ущелья, бурные реки и туманное горное плато в центре острова предполагают огромное множество экскурсий. Эту поездку вы не забудете никогда». Ничего себе! Я и не знала, что тут столько всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.